

рога поднялась на высокій юго-восточный отрогъ горъ Тарята по перевалу въ 7.510 футовъ надъ моремъ. Ядро горъ Тарята слагается изъ тоналита, гранита и сланца, съ присоединеніемъ у окраинъ кварцеваго известняка и известняковой брекчии.

Съ вершины безымяннаго перевала открылся видъ къ сѣверу на ближайшую валообразную гору Нойонъ и къ сѣверо-востоку на главный и могучій массивъ Ихэ-богдо, сурово глядѣвшій на насъ изъ подъ мрачныхъ снѣговыхъ тучъ, часто скоплявшихся у этой горной громады. Между горами лежащими впереди и тѣми, на которыхъ мы стояли, вклинивается долина съ хорошей травянистой растительностью, въ особенности въ сѣверо-западномъ углу, при ключѣ Мухурь-булыкъ, куда мы и направились. Въ этой долинь стояли двѣ-три юрты монголовъ, вокругъ которыхъ бродила масса скота чуть не совместно съ большимъ, до двухсотъ головъ, стадомъ монгольскихъ дзереновъ (*Gazella gutturosa*). Изъ птицъ же здѣсь были замѣчены темный сарычъ, парившій надъ дэрэсуномъ, соколъ пустельга, преслѣдовавшій жаворонковъ, красноклювая клушица и сѣрыя куропатки.

Погода послѣднюю недѣлю стояла отличная — ясная или полужасная съ преобладающимъ затишьемъ; днемъ на солнцѣ было тепло, ночи же отличались значительною свѣжестью; воздухъ былъ довольно прозраченъ,—короче, стояла самая типичная осенняя погода не только для этой части Монголіи, но даже и для всей вообще Центральной Азіи. Ночью, съ 18-го на 19-е октября, разразился сильный снѣжный буранъ съ юга, бушевавшій почти цѣлыя сутки и покрывшій сосѣднюю окрестность толстымъ, до полу-аршина, слоемъ снѣга, мѣстами сбившагося въ большіе сугробы. О выступленіи въ путь нечего было и думать; поневолѣ пришлось устроить дневку. Наша юрта уныло скрипѣла и стонала, порою даже сжималась отъ сильнѣйшихъ объятій разгулявашагося шторма, войлока приподымались и тонкая снѣжная пыль заметала предметы, находившіеся внутри нашего походнаго жилища. Въ такое время обыкновенно нельзя ничего дѣлать: поневолѣ сидишь сложа руки и повертываешься то однимъ, то другимъ бокомъ къ желѣзной печкѣ, подлѣ которой температура все-таки значительно выше нежели у краевъ или у двери юрты, гдѣ она почти равняется температурѣ наружнаго воздуха. Особенно тяжела въ подобное время служба казаковъ или гренадеръ; караваннымъ животнымъ также плохо: сбившись въ плотную кучу и спрятавъ головы въ подвѣтренную сторону, они стоятъ выгорбившись и сильно дрожатъ отъ леденящей стужи. По прекращеніи бурана небо совершенно прояснилось и на